

УДК 328.1

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_128

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ «ВРАЩАЮЩИХСЯ ДВЕРЕЙ» В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Руслан Салихович Мухаметов,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
muhametov.ru@mail.ru

Никита Александрович Буянов,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
super.nick98@yandex.com

Статья поступила в редакцию 31.05.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Мухаметов Р.С., Буянов Н.А. Политические практики «вращающихся дверей» в России: региональный аспект // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 128–141. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_128

Аннотация

Статья посвящена изучению практики перемещения бывших государственных служащих и парламентариев на работу в коммерческий сектор и наоборот. Теория «вращающихся дверей» выступает концептуальной основой исследования, в первой части которого рассматриваются основные подходы к определению данного понятия. Используя указанную теорию, авторы работы стремятся дать ответы на ряд исследовательских вопросов. В какой степени феномен «вращающейся двери» свойственен

© Мухаметов Р.С., Буянов Н.А., 2021

политической жизни российских регионов и, в частности, Свердловской области? Какова доля чиновников, переходящих с государственной службы в частный сектор на должность «лоббиста» и/или специалиста, отвечающего за связи с органами государственной власти (GR-менеджера), и наоборот? Для поиска ответов авторы применяют биографический подход, используя базу данных, которая включает сведения обо всех бывших и настоящих руководителях отраслевых исполнительных органов государственной власти Свердловской области, анализируют сведения о трудовой деятельности региональных министров. Также источниками данных послужили материалы из сети Интернет, в том числе официальные сайты областного правительства. Главный метод анализа количественных данных – описательная статистика. По результатам исследования авторы приходят к выводу, что коммерческие компании являются вторым по популярности местом работы как до назначения, так и после освобождения лицами министерской должности; экс-министры часто трудоустраиваются директорами предприятий и GR-менеджерами. Выявляются причины такого положения дел. В основе объяснительной модели лежит концепция спроса и предложения. Подсчеты показывают, что меньше 10% компаний имеют структурные подразделения, отвечающие за связи с органами власти. Ограничивающим фактором выступает стремление руководителей коммерческих организаций напрямую принимать участие в политике для продвижения корпоративных интересов, а не обращаться в коммуникационные агентства за GR-сопровождением.

Ключевые слова:

«вращающиеся двери», лоббизм, связи с органами власти, биографический подход, Свердловская область.

UDC 328.1

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_128

“REVOLVING DOORS” PRACTICES IN RUSSIA: THE REGIONAL ASPECT

Ruslan S. Mukhametov,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
muhametov.ru@mail.ru

Nikita A. Buyanov,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
super.nick98@yandex.com

Article received on May 31, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Mukhametov, R.S., Buyanov, N.A. (2021). "Revolving Doors" Practices in Russia: The Regional Aspect. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(3), 128–141. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_128

Abstract

The article is devoted to the study of the practice of moving former civil servants and parliamentarians to work in the commercial sector and vice versa. The theory of "revolving doors" serves as a conceptual framework for this research, in the first part of which the main approaches to the definition of this concept are considered. Using this theory, the authors of the article seek to provide answers to a number of research questions. To what extent is the "revolving door" phenomenon peculiar to the political life in the Russian regions and, in particular, in the Sverdlovsk region? What is the percentage of officials moving from the civil service to the private sector to become a "lobbyist" and/or a government relations manager (GR manager) and vice versa? To find the answers, the authors apply a biographical approach, using a database that includes information about all former and current heads of regional executive bodies of state power in the Sverdlovsk region, analyze information about the work of regional ministers. Another group of sources is the Internet materials including the official websites of the regional government. The main method of analyzing quantitative data is descriptive statistics. According to the results of the study, the authors conclude that commercial companies are the second most popular place of work both before the appointment and after the dismissal of a ministerial position; ex-ministers often become directors of enterprises and GR managers. The reasons for this state of affairs are revealed. The explanatory model is based on the concept of supply and demand. Calculations show that less than 10% of enterprises have structural divisions responsible for government relations. The limiting factor is the desire of heads of commercial enterprises to directly participate in politics to promote corporate interests, and not to apply to communication agencies for GR support.

Keywords:

"revolving doors", lobbying, government relations, biographical approach, Sverdlovsk Region.

Введение

В январе 2008 г. стало известно, что экс-премьер Великобритании Т. Блэр был назначен старшим советником и членом совета по международным делам компании *JPMorgan Chase*. В декабре 2016 г. избранный президент США Д. Трамп объявил, что после инаугурации назначит главой внешнеполитического ведомства Р. Тиллерсона, председателя совета директоров и главного управляющего нефтяной компании *Exxon Mobil*. Приведенные кейсы являются примерами такого феномена, как «вращающаяся дверь»/«вращающиеся двери», т. е. речь идет о перемещении бывших госслужащих и парламентариев на работу в част-

ный сектор и наоборот (Eggers, 2010). Данная практика и научные исследования по ней возникли в Соединенных Штатах в 1980-е гг., поэтому большинство исследований «вращающихся дверей» географически ориентированы на США (Coen & Vannoni, 2016). На сегодняшний день большая часть эмпирической работы, связанной с «вращающейся дверью», сосредоточена на бывших членах Конгресса или сотрудниках Конгресса, покидающих Капитолийский холм, особенно тех, кто стал лоббистами в своей постконгрессной карьере. Только недавно исследователи начали анализировать европейские «вращающиеся двери» (Gebhardt & Saz-Carranza, 2018). Уровень «вращающихся дверей» в ЕС задокументирован неправительственной международной организацией *Transparency International*¹. Существует очень мало исследований феномена «вращающейся двери» по отдельным европейским странам (David-Barrett, 2011; Niessen & Ruenzi, 2009). Из-за нескольких крупных политических скандалов, связанных с этим явлением (Cerrillo-i-Martínez, 2016), особый интерес для эмпирического анализа представляет Испания.

В России также известны случаи, когда высокопоставленные чиновники переходили работать в коммерческие структуры. Так, первый заместитель председателя правления НОВАТЭКа Л.В. Феодосьев до прихода в компанию в 2007 г. работал в Министерстве экономического развития и торговли РФ, пройдя путь от ведущего специалиста до заместителя директора департамента. Другим примером является С.Д. Шаталов, который до прихода на должность вице-президента медиагруппы Акцион-МЦФЭР с 2000 по 2016 гг. был заместителем министра финансов РФ. Вышеназванные кейсы имели место на общенациональном уровне. Однако Россия является федеративным государством (с формально-юридической точки зрения), субъекты которой различаются между собой по политическим, социально-экономическим, этнокультурным показателям. Следовательно, Россия представляет собой хорошую лабораторию для проведения региональных исследований. В этой связи можно сформулировать ряд исследовательских вопросов. В какой степени феномен «вращающейся двери» характерен для региональной политической жизни? Какова доля чиновников, переходящих с государственной службы в частный сектор на должность «лоббиста» и/или GR-менеджера, и наоборот?

Поиск ответов на эти вопросы и составляет цель настоящей статьи. Ее структура выглядит следующим образом. В первой части рассматривается феномен «вращающихся дверей» с теоретической точки зрения. Во второй части представлен дизайн исследования, в третьей – его результаты. В заключительной части зафиксированы основные выводы работы и намечены направления дальнейших исследований.

Теоретические рамки исследования

Феномен «вращающейся двери» давно привлекает внимание политологов, занимающихся изучением влияния групп интересов. В политической науке мож-

¹ Daniel, F., & Yannik, B. (2017). *Access all areas: When EU politicians become lobbyist*. Retrieved May 20, 2021, from <http://transparency.eu/wp-content/uploads/2017/01/Access-all-areas.pdf>

но выделить два основных подхода к определению данного понятия. В широком смысле это перемещение сотрудников между работой на госслужбе и частным сектором. В узком смысле это перемещение государственных служащих и депутатов на работу в частные лоббистские организации, и наоборот. Во втором контексте фраза «вращающаяся дверь» относится к феномену, когда бывшие высокопоставленные чиновники и парламентарии становятся лоббистами, специалистами по связям с органами государственной власти (Coen & Vannoni, 2020). Физические лица, которые переходят с государственных должностей на работу в частные структуры и наоборот, называются лоббистами «вращающихся дверей» или «револьверами» (Lazarus et al., 2016).

Исследователи проводят различия между прямой и косвенной занятостью бывших чиновников и парламентариев. В первом случае бывший государственный служащий присоединяется к фирме в качестве наемного работника, во втором – работает либо в качестве лоббиста-фрилансера, либо в лоббистской фирме.

Можно выделить две основные группы причин, по которым частные лоббистские фирмы или корпорации нанимают бывших конгрессменов или государственных служащих. Во-первых, экспертные знания (обладание специальными знаниями или опытом законодательного процесса) и правительственный опыт дают лоббистам большую «осведомленность в вопросах». Во-вторых, доступ к лицам, принимающим решения: наличие у «револьверов» связей с действующими членами парламента/сотрудниками, т. е. они имеют особые связи с теми, кто находится внутри правительства, что дает интересам, которые они представляют, преимущество. Эти преимущества в виде связей и политических знаний позволяют их клиентам оказывать большее политическое влияние (Wirsching, 2018).

Существуют различные теории, которые объясняют причины найма бывших государственных служащих частными фирмами. Теория регулятивного обучения предполагает, что компании нанимают бывших государственных служащих главным образом из-за их знаний и опыта. Теория поиска ренты подразумевает, что фирмы в основном ценят лоббистские способности бывших государственных служащих и их предположительно высокий уровень доступа к государственным деятелям (Law & Long, 2012).

Исследователи отмечают, что обмены между частным и государственным секторами могут иметь несколько положительных эффектов.

Во-первых, «перекрестное оплодотворение». Вследствие обмена кадрами между частным и государственным секторами обмен знаниями и опытом происходит более эффективно. Это может быть выгодно обеим сторонам: процессы регулирования могут стать более эффективными, а политики могут получить отраслевые знания, которые позволят им принимать более рациональные решения (LaPira & Thomas, 2014).

Во-вторых, привлечение талантов в государственный сектор. Перспектива высокооплачиваемой будущей работы в частном секторе может мотивировать высококвалифицированных специалистов занимать более низкооплачиваемую должность в государственном секторе, тем самым повышая возможности и талант государственного управления в целом (Cerrillo-i-Martínez, 2016).

Тем не менее «вращающиеся двери» также создают ряд рисков. Ученые утверждают, что демократические и рыночные процессы могут страдать из-за

важности и ценности личных связей: представители могут быть услышаны не из-за актуальности вопроса, а из-за личных связей. Сотрудники лоббистской индустрии из государственной службы могут ухудшить восприятие общественностью политической обстановки и процесса и подорвать доверие общественности к политическим институтам. Наконец, потенциальный конфликт интересов является наиболее заметным отрицательным эффектом «вращающихся дверей» (Blanes i Vidal et al., 2012).

Формы конфликта интересов могут включать:

1) злоупотребление служебным положением со стороны действующего должностного лица с целью повлиять на регулирование в пользу потенциального будущего частного работодателя;

2) неправомерное влияние, когда бывший высокопоставленный чиновник использует свой доступ к должностным лицам для захвата регулирования.

Среди опасений по поводу «вращающейся двери» наиболее устойчивым является риск того, что регуляторы (органы исполнительной власти) будут захвачены отраслевыми интересами. «Вращающаяся дверь» считается важным механизмом регулятивного захвата. Дискуссии о таком захвате и его влиянии на процесс регулирования активно ведутся в научных трудах в области права, политологии и экономики.

В политической науке регулятивный захват – это коррупция власти, которая происходит, когда политический субъект, политик или регулирующий орган оптимизируются для обслуживания коммерческих, идеологических или политических интересов незначительного избирательного округа, такого как конкретный географический район, отрасль, профессия или идеологическая группа. Эта теория утверждает, что регулирующие органы могут оказаться во власти отраслей или интересов, которые им поручено регулировать. В результате агентство, которому поручено действовать в общественных интересах, вместо этого действует в интересах отрасли, которую оно должно регулировать. Регулятивный захват происходит, когда правительственное регулирующее агентство, созданное в общественных интересах, в конечном итоге продвигает политические или коммерческие интересы тех самых людей, компаний или организаций, которые оно должно регулировать. Правительственные учреждения, подвергающиеся регулятивному захвату, называются «захваченными агентствами». Регулятивный захват стал предметом исследования с 1970-х гг. благодаря Дж. Стиглеру, ученому Чикагского университета, лауреату Нобелевской премии по экономике. Противоположностью регулятивного захвата является теория общественных интересов – идея о том, что государственное регулирование может влиять на поведение монополий в общественных интересах (Baxter, 2012).

Дизайн исследования

Наличие или отсутствие феномена «вращающейся двери» в России на региональном уровне будет изучено нами на примере Свердловской области. Выбор данного субъекта РФ обусловлен рядом причин. Во-первых, можно было бы выбрать Москву или Санкт-Петербург, но в силу формально-правовых (это города федерального значения), политических (Москва – столица государства, на территории которой располагаются федеральные органы государственной

власти) и экономических (в них находятся офисы крупнейших российских компаний и представительств зарубежных ТНК) причин они не представляют среднестатистический российский регион. В этом плане Свердловская область в большей степени, по сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом, может претендовать на данный статус. Во-вторых, Средний Урал занимает высшие позиции в рейтингах социально-экономического положения регионов.

Источником данных по региональным министрам выступила «Свободная энциклопедия Урала», статья которой («Руководители исполнительных органов государственной власти Свердловской области») содержит список всех министров в хронологическом порядке, в том числе исполняющих обязанности. В итоговую базу данных попали 97 региональных руководителей отраслевых органов исполнительной власти.

Основным методом сбора данных явился биографический подход. На каждого областного министра из открытых источников составлялась справка, включающая трудовую биографию. Поиск необходимых сведений в сети Интернет о высших госслужащих Среднего Урала позволил составить доминистерскую базу данных, которая включает данные о 82 лицах (о 15 нет сведений), и постминистерскую базу (67 лиц из 79, т. к. действующие региональные министры были исключены, начальники департаментов и управлений не считались). Главный метод анализа количественных данных – описательная статистика.

Результаты исследования и обсуждение

Данные описательной статистики представлены в таблицах. В таблице 1 содержатся сведения о местах работы министров до занятия министерской должности.

Таблица 1 – Доминистерские карьеры (составлено авторами на основании собственных расчетов)

Место работы после ухода	Э. Россель		А. Мишарин		Е. Куйвашев	
	в единицах	%	в единицах	%	в единицах	%
Парламент						
- федеральный	0	0	0	0	0	0
- региональный	4	12,5	0	0	0	0
- муниципальный	0	0	0	0	0	0
Госслужба						
- федеральная	1	3,5	2	9	3	11,5
- региональная	10	30,5	7	30	16	61
- муниципальная	2	6,5	1	4,25	0	0
Наука и образование	4	12,5	1	4,25	0	0
Бизнес	4	12,5	8	35	2	8

Место работы после ухода	Э. Россель		А. Мишарин		Е. Куйвашев	
	в единицах	%	в единицах	%	в единицах	%
Бюджетное учреждение	3	6,5	1	4,25	3	11,5
Партия	5	15,5	1	4,25	0	0
Госкомпания	0	0	2	9	2	8
Итого	33	100	23	100	26	100

Из таблицы 1 видно, что среди 82 региональных министров из бизнеса пришло 14 человек (около 17%). Это второй результат; на первом месте (40%, или 33 человека) находятся выходцы из региональных органов власти. Так, И.А. Богданович до назначения министром информационных технологий и связи работал директором по управлению проектами компании «ИТ-Энергоконсалт»; А.Г. Тарасов (министр международных и внешнеэкономических связей) был советником президента Уралпромстройбанка по внешнеэкономической деятельности; В.А. Молчанов (министр промышленности и науки) – гендиректором ОАО «Каменск-Уральский завод ОЦМ»; А.Ю. Петров (министр промышленности и науки) – гендиректором завода «Российская электротехнологическая компания РЭЛТЕК» (прежнее название – Опытный завод ЦНИИМ); А.В. Карлов (министр строительства и развития инфраструктуры) – гендиректором по экономике и социальному развитию СПА «Средуралстрой»; М.М. Волков (министр строительства и развития инфраструктуры) – заместителем директора по капстроительству и инвестициям в УГМК-Холдинг; С.В. Швиндт (министр транспорта и дорожного хозяйства) – генеральным директором ОАО «Уральская грузовая перевозочная компания»; В.И. Левченко (министр по управлению государственным имуществом) – директором ООО «Рефтинское объединение «Теплит» (с 22 мая 2009 г. – ООО «Производственно-строительное объединение «Теплит»).

В таблице 2 представлены первые места работы после освобождения министерской должности.

Таблица 2 – Постминистерские карьеры (составлено авторами на основании собственных расчетов)

Место работы после ухода	Э. Россель		А. Мишарин		Е. Куйвашев	
	в единицах	%	в единицах	%	в единицах	%
Парламент						
- федеральный	1	3	0	0	1	7
- региональный	2	6	0	0	0	0
- муниципальный	0	0	0	0	0	0

Место работы после ухода	Э. Россель		А. Мишарин		Е. Куйвашев	
	В единицах	%	В единицах	%	В единицах	%
Госслужба						
- федеральная	1	3	3	15	1	7
- региональная	4	12	7	37	3	21
- муниципальная	0	0	1	5	4	28
Наука и образование	3	9	1	5	0	0
Бизнес	8	23	2	11	2	15
Бюджетное учреждение	4	12	2	11	1	7
Пенсия	9	26	2	11	0	0
Возбуждение уголовного дела	2	6	1	5	2	15
Итого	34	100	19	100	14	100

Как видно из таблицы 2, в бизнес ушло работать всего 12 из 67 министров (около 18%), в то время как первое место (21%, или 14 человек) занимает региональная госслужба. В частности, министр агропромышленного комплекса и продовольствия (1992–1995) А.Г. Никонов стал индивидуальным предпринимателем; министр здравоохранения Свердловской области (1998–2007) М.С. Скляр – гендиректором клиники «УГМК-Здоровье», министр международных и внешнеэкономических связей (1994–1995) И.И. Арзяков – генеральным директором ООО «АРОМИ»; министр по управлению государственным имуществом (1999–2004) В.М. Голубицкий – президентом компании «Ренова-Стройгруп»; министр промышленности и науки (2014–2016) А.В. Мисюра – гендиректор НПО автоматике имени академика Н.А. Семихатова; министр строительства и развития инфраструктуры (2013–2015) В.Н. Киселев – гендиректором ЗАО «РСГ-Академическое».

В силу того, что рассматриваемый нами феномен и практика может ассоциироваться с коррупцией, следует обратить внимание и на долю министров, в отношении которых были возбуждены уголовные дела правоохранительными органами. Из таблицы 2 можно сделать вывод, что количество таких лиц невелико, а процент варьируется от 5 до 15.

В таблице 3 представлены должности лиц, замещающих министерские посты до назначения и после освобождения.

Таблица 3 – Должности (составлено авторами на основании собственных расчетов)

Должности	Доминистерская карьера		Постминистерская карьера	
	в единицах	%	в единицах	%
Советник	1	7,1	2	17

Должности	Доминистерская карьера		Постминистерская карьера	
	в единицах	%	в единицах	%
Советник	1	7,1	2	17
Итого	14	100	12	100

Согласно таблице 3, абсолютное большинство региональных министров из бизнеса до назначения и после освобождения от должности имели статус директора/генерального директора в частных коммерческих структурах. Рассмотрев трудовые биографии министров свердловского правительства, мы можем сделать предварительный вывод о том, что трудоустройство региональных министров в коммерческие структуры на определенные должности (например, GR-менеджеров) сталкивается с рядом проблем. Для того чтобы сделать окончательный вывод, необходимо рассмотреть проблему с противоположного ракурса, а именно изучить биографии местных лоббистов и GR-менеджеров на предмет наличия у них опыта работы на государственной службе. Как было отмечено в первой части статьи, феномен «вращающихся дверей» предполагает трудоустройство бывших членов правительства и парламентариев в трех категориях компаний.

Во-первых, консалтинговые компании, которые оказывают услуги по связям с органами государственной власти. Если судить по национальному рейтингу коммуникационных компаний (рейтинг НР2К), то среди представленных 75 агентств организации, центральные офисы которых находились бы в Екатеринбурге или ином другом муниципальном образовании Свердловской области, отсутствуют².

Во-вторых, некоммерческие неправительственные организации, представляющие интересы отраслевого бизнеса, и ассоциации, отстаивающие интересы предпринимательства в целом. В Свердловской области действуют, согласно списку отраслевых союзов от регионального Министерства промышленности и науки, 15 организаций. Мониторинг деятельности ряда НКО позволил нам добавить к перечню еще четыре: Союз стройиндустрии Свердловской области, Уральская ассоциация туризма, Союз строителей Свердловской области, Гильдия строителей Урала. Анализ органов управления этих организаций и биографий их руководителей показывает, что только у одной НКО («Свердловский областной Союз промышленников и предпринимателей») есть исполнительный вице-президент, который отвечает за взаимоотношения с органами власти и не имеет опыта работы в структурах региональной власти. Необходимо отметить, что из 15 отраслевых организаций четыре на данный момент формально прекратили свое существование (НП «Союз машиностроительных предприятий Свердловской области», «Союз научных, проектных и инжиниринговых организаций Свердловской области», «Ассоциация технопарков Свердловской области» и «Союз работодателей издательско-полиграфической отрасли Свердловской области»).

В-третьих, департаменты, управления по связям с органами государственной власти и МСУ в должности начальника или заместителя директора по GR.

² Национальный рейтинг коммуникационных компаний 2019. (без даты). Взято 20 мая 2021, с <http://pracademy.ru/rejting-nr2k?year=НР2К 2019>

Из перечня системообразующих организаций, осуществляющих деятельность на территории Свердловской области, мы взяли 135 компаний (организации горно-металлургического комплекса, машиностроения, химической промышленности, лесопромышленного комплекса, легкой промышленности, строительства, агропромышленного комплекса и рознично-оптовой торговли и общественного питания)³. Анализ официальных сайтов этих коммерческих структур показал, что у 65 из 135 (48,1%) предприятий отсутствуют сведения о руководстве и менеджменте. У 61 организации (45,1%), информация по которым имеется, нет подразделения или должностного лица, отвечающего за налаживание контактов с органами государственной власти. Только у 9 из 135 (6,8%) предприятий предусмотрен в структуре управления сотрудник, как правило, в лице замдиректора, который отвечает за взаимодействие с законодательными и исполнительными органами власти. Нужно подчеркнуть, что данная сфера находится в ведении директора либо по общим вопросам (ПАО «Надеждинский металлургический завод, АО «Уралэлектромедь», ОАО «Богословское рудоуправление»), либо по общим вопросам и персоналу (например, ОАО «Среднеуральский медеплавильный завод», ОАО «Святогор», НПП «Старт» им. А.И. Яскина). Анализ трудовой биографии лиц, занимающих вышеназванные должности, показывает, что ни один из девяти GR-менеджеров не имеет опыта работы в региональных органах власти: двое были муниципальными депутатами и один работал на муниципальной службе в статусе заместителя главы города.

Необходимо сказать о сложностях трудоустройства бывших членов регионального правительства на должности GR-менеджеров. Как нам представляется, это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, руководители малого и среднего бизнеса, как правило, непосредственно идут во власть/принимают участие в политике, избираясь в муниципальные думы и региональные парламенты. Крупные компании придерживаются, как правило, несколько иной стратегии: они либо договариваются о включении в партийные списки кандидатов своих креатур в обмен на оказание финансовой (спонсорской) помощи партиям, либо «двигают» в представительные и законодательные органы менеджеров среднего звена (это характерно в большей степени для муниципальных дум). Это ограждает предпринимателей от обращения к коммуникационным агентствам, ограничивает спрос на GR-услуги. Во-вторых, отсутствие на федеральном уровне закона о лоббистской деятельности, правовой основы для легализации данного института сдерживает рост рынка лоббистских услуг в России.

Заключение

Для западных стран характерна такая практика, как «вращающиеся двери», т.е. трудоустройство бывших парламентариев и членов правительства в консалтинговые компании в качестве лоббистов и предприятия на должности GR-менеджеров. Число исследований феномена «вращающихся дверей» в России на федеральном уровне носит крайне ограниченный характер, что

³ Перечень системообразующих организаций, осуществляющих деятельность на территории Свердловской области от 8 мая 2020 г. № 01–01–51/50. (без даты). Взято 20 мая 2021, с <https://mpr.midural.ru/deyatelnost/sistemoobrazuyushchie-predpriyatiya/>

может являться одним из направлений будущих исследований. В данной статье в качестве объекта исследования была выбрана Свердловская область. Изучив трудовые биографии региональных министров, мы пришли к выводу, что коммерческие компании являются вторым по популярности местом работы как до назначения, так и после освобождения лицами министерской должности. Другое дело, что, как показал наш анализ, экс-министры трудоустраиваются директорами, а не руководителями, которые курируют GR-отделы. Этому есть два объяснения. Во-первых, имеет место ограниченное предложение. Как показал наш анализ органов управления предприятий Среднего Урала, только у 7% из них есть соответствующие структурные подразделения. Во-вторых, можно говорить и об ограниченном спросе, т. к. руководители бизнеса (особенно малого и среднего), если они решили пойти в политику, в том числе для продвижения корпоративных интересов, предпочитают не обращаться в коммуникационные агентства за GR-сопровождением, а стремятся напрямую принимать участие и лично выдвигаться в депутаты.

Важно сказать и об ограничениях исследования. Во-первых, к данным выводам мы пришли на основе выбранной нами методологии (формально-институционального подхода) и методов (анализ открытых источников) исследования. Основные положения могут быть детализированы при использовании других методов сбора данных, например, экспертных интервью в силу того, что, как отмечалось выше, лоббистская деятельность в РФ не легализована, т. е. преобладают неформальные практики. Во-вторых, другим направлением дальнейших исследований может стать изучение практики «вращающихся дверей» не на уровне региональных министров, а на уровне бюрократии среднего звена (руководителей подразделений министерств), но здесь может возникнуть проблема, связанная с отсутствием биографических данных в открытых источниках. Еще одним направлением может выступить изучение руководства консалтинговых агентств на предмет представленности выходцев из органов власти.

Таким образом, чтобы говорить об отсутствии или наличии практики «вращающихся дверей» в региональной правящей/политической элите в целом, нужно использовать более тонкие настройки, а также расширять персональную базу исследования, т. к. используемые в настоящей работе методики не позволяют на 100% выявить эту практику и сделать однозначные выводы.

References

1. Baxter, L. G. (2012). Understanding regulatory capture: An Academic perspective from the United States. In S. Pagliari (Ed.), *The making of good financial regulation* (pp. 31–39). Guildford: Guildford House Publishing Ltd.
2. Blanes i Vidaly, J., Draca, M., & Fons-Rosen, C. (2012). Revolving door lobbyists. *American Economic Review*, 102(7), 3731–3748. <https://doi.org/10.1257/aer.102.7.3731>
3. Cerrillo-i-Martínez, A. (2016). Beyond revolving doors: The prevention of conflicts of interests through regulation. *Public Integrity*, 19(4), 357–373. <https://doi.org/10.1080/10999922.2016.1225479>
4. Coen, D., & Vannoni, M. (2016). Sliding doors in Brussels: A career path

analysis of EU affairs managers. *European Journal of Political Research*, 55(4), 812–826. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12151>

5. Coen, D., & Vannoni, M. (2020). Where are the revolving doors in Brussels? Sector switching and career progression in EU business–government affairs. *The American Review of Public Administration*, 50(1), 3–17. <https://doi.org/10.1177/0275074019861360>

6. David-Barrett, E. (2011). Cabs for hire? The revolving door between government and business. Retrieved May 20, 2021, from <http://www.transparency.org.uk/publications/cabs-for-hire-fixing-the-revolving-door-between-government-and-business-2/>

7. Eggers, A. (2010). The partisan revolving door. Working paper, Harvard University. Retrieved May 20, 2021, from http://andy.egge.rs/papers/partisan_revolving_door.pdf

8. Gebhardt, M., & Saz-Carranza, A. (2018). European revolving doors: corporate boards in Germany and Spain. ESADEgeo Working paper 30. Retrieved May 20, 2021, from https://itemsweb.esade.edu/wi/esadegeo/workingpapers/17_18/201802%20WP%20Gebhardt%20%20Saz-Carranza%20-%20European%20revolving%20doors.pdf

9. LaPira, T.M., & Thomas, H.F. (2014). Revolving door lobbyists and interest representation. *Interest Groups & Advocacy*, 3(1), 4–29. <https://doi.org/10.1057/iga.2013.16>

10. Law, M.T., & Long C.X. (2012). What do revolving-door laws do? *Journal of Law and Economics*, 55(2), 421–436. <https://doi.org/10.1086/663630>

11. Lazarus, J., McKay, A., & Herbel, L. (2016). Who walks through the revolving door? Examining the lobbying activity of former members of Congress. *Interest Groups & Advocacy*, 5(1), 82–100. <https://doi.org/10.1057/iga.2015.16>

12. Niessen, A., & Ruenzi, S. (2009). Political connectedness and firm performance: Evidence from Germany. *German Economic Review*, 11(4), 441–464. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0475.2009.00482.x>

13. Silva, M. (2019). The European Union’s revolving door problem. In D. Dialer, & M. Richter (Eds.), *Lobbying in the European Union* (pp. 273–289). Springer: Cham.

14. Wirsching, E. (2018). The revolving door for political elites: An empirical analysis of the linkages between government officials’ professional background and financial regulation. Retrieved May 20, 2021, from <https://www.oecd.org/corruption/integrity-forum/academic-papers/Wirsching.pdf>

Информация об авторах

Руслан Салихович Мухаметов, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>, e-mail: muhametov.ru@mail.ru

Никита Александрович Буянов, студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: super.nick98@yandex.com

Information about the authors

Ruslan Salikhovich Mukhametov, Candidate of Political Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>, e-mail: muhametov.ru@mail.ru

Nikita Alexandrovich Buyanov, student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, e-mail: super.nick98@yandex.com